

ББК 63.3(2)613-2

*Н.А. Баранцева***Хакасы: особенности этносоциальных процессов
в контексте формирования государственности в 1920-е гг.***

**Ключевые слова:* социокультурная характеристика, Хакасия, этнополитический, уезд, экономические и демографические факторы, консолидация.
Keywords: Khakasia, social-cultural characteristic, ethnic-political, region, economic and demographic factors, consolidation.

В начале XX в. в многонациональном составе населения юга Средней Сибири, формировавшемся в результате сложных процессов этнокультурного, демографического и политического характера, тюркоязычные, самодийские и кетоязычные народы, проживавшие на территории Минусинского и Ачинского уездов Енисейской, Кузнецкого уезда Томской губерний, находились в стадии этнической консолидации. В 1920-е гг. в районах, населенных «инородцами», принявших самоназвание «хакасы», важнейшими задачами становились определение форм и границ местного самоуправления, хозяйственно-бытовое и культурное развитие этнического сообщества с учетом исторически сложившихся социокультурных характеристик.

Процессы этнополитической консолидации сибирского тюркоязычного населения в период XVII – начала XX в. и формирования у них политического самосознания в связи с разработкой государственного законодательства нашли отражение в исследовании Л.И. Шерстовой [1]. Эволюция национально-демократического движения хакасов с целью «ликвидации административно-территориальной разобщенности и создания особой единицы» показана в комплексном исследовании Е.П. Мамышевой [2, с. 72]. С позиций национально-государственного строительства проанализирован процесс создания Хакасского уезда, затем автономной области в работах В.А. Асочакова [3, с. 5–17], В.Н. Тугужековой [4, с. 6–14], А.Л. Артеменко [5, с. 19–45] и др. Общественно-политическая активность хакасов в форме проведения национальных съездов и конференций была прослежена А.Н. Гладышевским и другими историками [6, с. 64].

В данной статье процесс складывания предпосылок и формирования хакасской государственности раскрывается в контексте исследования численности, социокультурных и хозяйственно-бытовых характеристик коренных жителей, а также анализа их взаимоотношений с русским старожилами и переселенческим населением.

Государственное регулирование этнических процессов осуществлялось через посредство национальных секций при партийных органах Сиббюро ЦК РКП(б), Енисейского губкома ВКП(б), а также специальных структур в исполкомах различных уровней, органов народного образования. В состав национального отдела Минусинского уисполкома, возглавляемого И.Г. Сафьяновым, вошли хакасы М.И. Райков и Л.С. Колдышев, а позже К.Ф. Бутанаков, М. Кутужеков, И. Доможаков и др. [5, с. 21–22; 7, л. 3, 19об., 25].

Организованный в ноябре 1920 г. национальный отдел Енгубкома ВКП(б) провозгласил «защиту политических, экономических и культурно-просветительных интересов рабочей массы инородческого населения Минусинского уезда» [7, л. 1–2, 2об.], а также разослал анкеты на места с целью выяснения данных об его хозяйственно-бытовом и общественно-правовом укладе [8, л. 6, 7, 22, 22об.]. Указанный отдел в докладной записке от 18 августа 1921 г. охарактеризовал быт «енисейских татар» (койбалов, бельтыров, сагайцев и качинцев), проживавших в шести волостях, расположенных по левому берегу Енисея в Минусинском уезде. «Инородцы живут улусами на значительном расстоянии друг от друга, занимаются преимущественно скотоводством и частью только промыслом (охота, рыбная ловля). Культура не проникла еще глубоко в среду инородцев, у них остался родовой быт, они наряду с православной религией до фанатизма веруют в силу шаманов, чуждаясь малейшего усовершенствования в хозяйстве. Только за последнее время, перед революцией, отдельные семьи инородцев, наиболее зажиточные, успели воспитать в своей среде видных общественных деятелей, получивших достаточное образование (Майнагашевы и др.)». Подчеркивалась, что на один из 221 улуса приходилось около 6000 десятин земли, на одно хозяйство – 200 десятин, что было обусловлено полукочевым характером скотоводства [9, с. 38].

Количество «минусинских туземцев», несмотря на утверждения сибирской областнической прессы 1880-х гг. об их вымирании, увеличивалось. По переписи 1890–1891 гг. их насчитывалось 24655 душ обоюбого пола, в 1916 г. – 34643, перепись же 1920 г. дала сведения о 46385 чел. [10, л. 3об.]. В результате землеустройства коренного населения в 1912–1913 гг. и объявления его «оседлым» был положен конец произвольным захватам их земельных владений русскими переселенцами. Наиболее значительные успехи

* Выполнено при финансовой поддержке гранта РГНФ и правительства Республики Хакасия 08-01-63512а/Т

в земледелии были сделаны инородцами Аскизского ведомства, средняя распашка земли у которых в 1896 г. составляла 4,8 десятин, 1889–1891 гг. – 5,4, 1917 г. – 5,7 десятин [10, л. 4–4об.; 11, л. 81]. Символом зажиточности населения считалось наличие табунов лошадей, крупного и мелкого рогатого скота. Однако хозяйственная разруха, вызванная мировой и Гражданской войнами, привела к сокращению количества лошадей на одно хозяйство с 14,7 голов в 1890–1891 гг. до 5,2 в 1920 г., в результате чего промышленное коневодство в инородческих районах начало утрачивать свое значение. Число коров сократилось в меньшей степени – с 15, 5 до 10,2 голов [10, л. 4об., 5, 5об., 6, 6об.]. Сокращение коневодства особенно отразилось на Аскизской и Усть-Фыркальской волостях, в то время как Усть-Абаканская волость дала в 1921 г. прирост скота 8,5% по сравнению с 1920 г. [12, л. 6–7].

С 1920 г. социально-политическая обстановка в Минусинском и Ачинском уездах крайне осложнилась в связи с политическим и уголовным бандитизмом, охватившим инородческие районы. Значительная часть хакасского населения либо входила в банды Соловьева и других, выступавших в качестве защитников коренного населения, либо поддерживала их оружием, продовольствием, занималась укрывательством. Во многом это было спровоцировано действиями милиции, воинских частей ОГПУ, ЧОН, партизанских отрядов Лыткина, Перевалова по ликвидации банд. Они обременяли коренное население, в основном принадлежавшее к бедноте, поборами, гужевой повинностью, грабили его, арестовывали людей, устраивали самосуды вплоть до расстрелов. На этой почве организовалась банда Майнагашева, стремившаяся избежать преследования милиции и правительственных отрядов [4, с. 35–36; 13, л. 24].

В материалах Енугубкома ВКП(б) говорилось: «Укомы Минусинский и Ачинский считали инородцев очагом контрреволюции, укрывателями белобандитов. Начался террор. К гнету национальному присоединился гнет политический... И многие стали искать себе защиту в безбрежной тайге по рр. Томи, Таштыпу, Матуру, Абакану и по Белому и Черному Июсам. Происходила молчаливая драма малокультурных племен, осужденных историей попасть в революционный водоворот» [12, л. 6–7, 9об.].

Заведующий Енисейским губернским инородческим подотделом Н.И. Непомнящий-Стеценко в феврале 1921 г. на основе докладов с мест констатировал, что «соседнее с инородцами русское население обновалось с 1918 г. по линии Ачинско-Минусинской железной дороги и систематически обижает инородцев, захватывая и отбирая явочным порядком земельные угодья, мочажные (искусственно орошенные) пашни, сенокосы и всячески стесняют инородцев, отбирая даже инвентарь и имущество» [14, л. 2–6]. Основанием для этого они сочли, что «теперь де земля

должна принадлежать всем трудящимся, и так как у них нет пашни, то эти поля берут в пользование себе» [12, л. 2об.].

Губернский уполномоченный наркомнаца К. Бредис, раскрывая причины поддержки хакасами бандитизма, указал на последствия Гражданской войны, подорвавшей основы традиционного быта и хозяйствования коренного населения. «Кизильцы, среди которых свил свое гнездо бандит Соловьев», занимались почти исключительно охотой и рыболовством, отчасти коневодством. После изъятия кремневых ружей и рыболовных сетей они лишились возможности добывать пушнину и рыбу, которые обменивали на муку, «хлеб в настоящее время делается из трав с примесью творага». Кроме того, в результате продразверстки большая часть хакасов лишилась лошадей и коров. Среди сагайцев, занимавшихся, помимо овцеводства и коневодства, хлебопашеством, имевших запасы хлеба, бандитизм не получил поддержки. Несколько лучше было и положение качинцев, имевших возможность обменивать скот на хлеб [15, л. 17–17об.].

В этой ситуации, чтобы привлечь коренное население на сторону советской власти, в июле 1921 г. в Минусинске была создана чрезвычайная комиссия по расследованию преступлений в отношении инородцев, куда вошли коммунист-хакас Г. Итыгин, представитель Минусинского уисполкома Стахнович, а также было принято воззвание о добровольной сдаче рядовых инородцев-бандитов, освобождавшее их от уголовной ответственности [9, с. 37–39; 12, л. 10–11]. Енугубисполком принял решение об увеличении войск и истребительных отрядов в регионе, в том числе за счет вооружения русского населения, возвращении инородцам их оружия, сетей, снабжении боеприпасами, а также хлебом в кредит или для товарообмена [15, л. 19–19об.].

В августе 1921 г. президиум Енугубкома ВКП(б), а также Енисейский губотнац поставили вопрос о возможности для минусинских и алтайских туземцев образования автономных единиц, организации в Минусинском уезде самостоятельного инородческого края во главе с ревкомом. В его состав должны были войти волости Усть-Абаканская, Усть-Есинская, Усть-Фыркальская, Синявинская, Сейская, Аскизская Минусинского уезда и Кизильская волость Ачинского уезда с общим количеством населения до 50 тыс. чел. и русских вкраплений до 10 тыс. чел., проживающих по правому берегу Енисея с площадью до 15000000 десятин. Для его обслуживания необходимо было создать районный революционный комитет с отделами: управления, продовольственный, земельный, народного образования, финансов. Наркомнац РСФСР указывал на необходимость согласования этого вопроса с организацией территориальной автономной единицы «Ойрат» [9, с. 37, 38, 40; 8, л. 22–22об., 26].

Реорганизация управления краем соответствовала идеям коренного населения, выдвигавшимся в 1917 г.,

о выделении ачинских и минусинских инородцев, наряду с алтайцами и урянхайцами, в самостоятельное уездное земство, чего при правительствах Керенского и Временном Сибирском при Колчаке добиться не удалось. В период установления советской власти политическая активность хакасов нашла выражение в форме создания Хакасского национального комитета, возглавившего движение народа за самоопределение. По инициативе лидеров движения обсуждение актуальных вопросов неоднократно выносили на повестку дня съездов хакасского народа. На одном из них (июль 1917 г.) было принято название «хакасы», что явилось важным показателем консолидационных процессов хакасского этноса [2, с. 72].

Территория, населенная преимущественно коренным населением (всего 64760 чел.), равнялась 1752898,33, десятин протяженностью 500 верст. Выделение самостоятельного хакасского района должно было покончить с бандитизмом, поскольку его развитие должно было осуществляться в рамках советского строительства, а также решить неотложные проблемы, связанные с продовольственным обеспечением хакасов и борьбой с распространившимися болезнями (трахомой, сифилисом, тифом и лихорадкой) [9, с. 44–46].

В русле проведения общесибирской национальной политики 28 февраля 1921 г. в Омске было созвано совещание инородческого населения. В области землеустройства были даны рекомендации по рационализации малопродуктивного скотоводческого хозяйства коренного населения в связи с увеличением миграционных потоков в Сибирь и отведением части их пастбищ и покосов под земельные наделы переселенцев. Предлагалось организовывать показательные животноводческие хозяйства, выставки, оказывать скотоводам регулярную ветеринарную помощь, чтобы избежать ежегодно случающихся эпизоотий, а также готовить собственно национальные кадры ветеринаров и зоотехников. В целях ликвидации массовой неграмотности было намечено создание школ с использованием «материнского метода преподавания» учителями из среды самих инородцев, чтобы учесть психолого-культурные особенности детей. Для предотвращения смертности инородцев было рекомендовано расширить сеть медицинского обслуживания населения, а на местах открывать медико-фельдшерские школы. В судебно-правовой сфере в отношении дел инородцев совещание предлагало народным судам считаться с исторически сложившимися нормами их обычного права [7, л. 5–11].

В инструкции Енисейского губисполкома от марта 1922 г. по работе среди нацменьшинств было рекомендовано «безболезненно приобщать национальные группы к активному советскому строительству» через беспартийные съезды, конференции и совещания, а также подбор авторитетных и лояльных советской

власти представителей местного населения [15, л. 12–12об.].

На состоявшейся 21 июня 1922 г. III беспартийной хакасской конференции Минусинского уезда вновь был поднят вопрос о выделении инородческого края в особую административную единицу исходя из специфики хозяйственного уклада, значительного количества населения и его единства в культурном, территориальном и экономическом отношениях. Отмечалось, что выделенный район образован по примеру других автономий и будет работать при покровительстве РСФСР [10, л. 8–8об.]. В докладе об образовании было отмечено, что «прошедший учебный год вконец подорвал народное образование в инородческом районе, как школьное, так и внешкольное», что обосновывалось переводом содержания сельских школ волисполкомами [10, л. 1–3].

28 ноября 1922 г. Енисейский губисполком ходатайствовал перед ВЦИК о выделении волостей, населенных «минусинскими татарами», в особую административную единицу [15, л. 34]. 30 декабря 1922 г. Наркомат по делам национальностей признал выделение населенного хакасами района Минусинского уезда «настоятельно необходимым» [10, л. 20].

18 апреля 1923 г. административная комиссия ВЦИК передала проект границ Хакасского уезда на согласование Томскому губисполкому в связи с передачей Сейской волости Кузнецкого уезда во вновь формируемый уезд [10, л. 22].

В ноябре 1923 г. Президиум ВЦИК принял постановление о создании Хакасского уезда, который был образован в январе 1924 г. с центром в селе Усть-Абаканское. Данное решение помешало реализации проекта, возникшего в среде хакасской родовой элиты и интеллигенции, о выделении инородческого края из состава Енисейской губернии и создании автономной Тюркской республики из Хакасии, Горной Шории, Ойротии и Танну-Тува [16, с. 64–68].

В состав Хакасского уезда были включены семь волостей с хакасским населением, ряд лесничеств и заказников, а также русские селения, поселки, рудники и шахты по линии Ачинск – Минусинской железной дороги, включая курорт о. Шира. Г. Итыгин, выступая в январе 1924 г. на пятом Енисейском губернском съезде Советов, выразил надежду, что «Минусинск, оставаясь центром, куда тяготеет инородческое население и по линии народного образования, и в отношении экономики вообще», передаст часть ценностей на оборудование учреждений для нового уезда» [9, с. 68–69; 17, л. 77].

В феврале 1924 г. к Хакасскому уезду отошли Таштыпская и Знаменская волости, было создано 4 района: Чебаковский, Чарковский, Аскизский и Таштыпский. Выделение уезда явилось крупным шагом в развитии Хакасии. Уезд располагал большими природными ресурсами для развития многоотраслевого хозяйства

с первоначальной специализацией на сельское хозяйство, горнодобывающую и лесную промышленность [18, с. 23–23].

По данным на 1924 г., в Хакасском уезде из 65 тыс. чел. 43741 составляли хакасы. Среди них 95,0% были неграмотными [19, л. 132–134]. Первая хакасская школа была образована в 1890 г. В 1891 г. грамотных хакасов, знающих русский язык, было 13,0% [11, л. 76]. В уезде действовало 39 национальных школ, в которых обучалось 2092 ученика в 121 группе, а также 38 ликпунктов для взрослых. Среди 51 учителя 38 были русскими, 13 – хакасами. Один учитель имел высшее образование, 24 – среднее (в том числе четверо хакасов), 17 – низшее, остальные уровень своего образования не указали [20, л. 66–67].

Из детей школьного возраста не посещали школу 67,0%. Число девочек составляло 20,0% от всех учащихся. До сего времени хакасы не имели своей письменности, поэтому преподавание велось на русском языке. В течение 1921–1924 гг. работала комиссия по выработке хакасской письменности, в работе которой участвовали М.Г. Торосов, В.А. Кожевников, Т.Д. Майнагашев, Н.М. Одежкин и др. Разрабатывались учебники для 1–2 группы в школе [19, л. 132–134].

Практика социалистического строительства породила трения между хакасским и русским населением. Сводки о состоянии Хакасского уезда за 1924 г. в Енисейский губком ВКП(б) свидетельствовали, что родовая верхушка хакасов, включая интеллигенцию, а также рядовая масса населения, находившаяся под их сильным политико-идеологическим и экономическим влиянием, была настроена антирусски и антисоветски. В 1924 г. во время проведения территориального районирования поступили десятки заявлений хакасских обществ, не желавших примыкать к сельским советам с русским населением. Были случаи отказа коренного населения признать русских секретарей в сельсоветах по причине незнания ими хакасского языка. В свою очередь, представители партийного и советского аппарата нередко проявляли пренебрежительное отношение к национальным кадрам, языку и культуре хакасского народа, отрицали всякую автономию. В то же время слабая укомплектованность низового аппарата сельсоветов подходящими работниками (до 40%), а также неудовлетворительный уровень их работы порождали недовольство советской властью и русского населения [13, л. 29–30].

В 1926 г. уезд в связи с образованием в 1925 г. Сибирского края был преобразован в Хакасский округ, в состав которого вошли пять районов: Аскизский, Богградский, Таштыпский, Чарковский и Чебаковский. По материалам Всесоюзной переписи населения в округе из 88872 жителей хакасы составляли 44219 чел. (49,8%). Часть хакасов проживала в других округах: Ачинском – 654 чел., Красноярском – 77, Минусинском – 631 чел. Соотношение мужчин и женщин составляло 100 к 96. Коренное население проживало в сельской местности,

среди него насчитывалось только 115 горожан. 5613 чел. являлись грамотными (12,7% от всего коренного населения). Грамотных мужчин было в четыре раз больше, чем женщин [21, с. 18, 45, 58, 84–85].

Плановые обследования, регулярно проводившиеся государственными органами, показывали состояние социально-экономического и культурного развития районов проживания коренного населения. Отчетный доклад Чебаковского райкома ВКП(б) за 1925–1926 гг. характеризовал состояние района площадью 9500 кв. верст, с мелкими улусами хакасов, среди которых были вкраплены большие русские деревни. Северная их часть тяготела к Ужуру, остальные – к станции Шира, где формировался торговый поселок. Замечался усиленный наплыв самовольных переселенцев. Насчитывался 121 населенный пункт с населением около 20 тыс., из них хакасов было около 60,0%, русских – 40,0%. Наблюдались различные формы хозяйствования – от первобытно-скотоводческих до высокоинтенсивного земледелия. В отчете отмечалось, что «неопределенность земельных границ, как между населенными пунктами, так и отдельными хозяйствами, порождает, с одной стороны, национальную вражду между русскими и хакасами, а, с другой – ведет к усиленно резкому росту крупных скотоводческих хозяйств, пользующихся пастбищами без оплаты таковых» [22, л. 1].

По предварительным данным, русские хозяйства до 4-х десятин посева составляли 61,0%, от 4 до 8 – 28,0%, более 8 – 11,0%. По обеспеченности скотом хакасские хозяйства до 20 голов скота насчитывали 32,0%, от 20 до 40 – 12,0%, сверх 40 голов – 6,0%. Осуществлялся переход к смешанному скотоводческо-земледельческому хозяйству, поощряемый властью налоговыми льготами. Прогнозировалось дальнейшее развитие района по пути увеличения его товарности путем внедрения в скотоводство мясошерстных и молочных пород, высева скороспелых сухостойких хлебных культур [22, л. 1].

В июне 1927 г. в Новосибирске проходило Первое краевое совещание представителей национальных меньшинств, имевшее целью вовлечения различных этнических групп в советское строительство, на котором из 67 представителей регионов Сибирского края присутствовали 4 хакаса [17, л. 26, 33, 49].

По вопросам землеустройства и рационализации сельского хозяйства представители Хакасского окрисполкома Лебедев и Чебаковского райисполкома Аешин указали на возможность выращивания технических культур, рационализации пчеловодства в традиционно скотоводческих регионах, а также на необходимость оказания агрономической и ветеринарной помощи хакасским хозяйствам, в том числе через подготовку собственных кадров агрономов и зоотехников. Бытотов, председатель Усть-Чульского сельсовета, отметил слабую работу кредитного общества, из 200 пайщиков которого большая часть была

бедняками. Ни государство, ни крестьяне не давали в кредит ни денег, ни шерсти, ни скота. «Крестьяне говорят: в долг давать – камень с горы бросать, а потом его получать – камень на гору тащить» [17, л. 53–56].

Учитывая рекомендации краевого совещания в Новосибирске, Минусинский окружной межкооперативный Совет в сентябре 1927 г. принял план обслуживания населения Минусинского и Хакасского округов такими организациями, как Потребсоюз, Селькредитсоюз, Охотсоюз, Маслосоюз и Сельбанк. Он предполагал подготовку национального актива кооперативного движения, увеличения кредитным товариществам размера ссуд, усиления разнообразия завозимого ассортимента товара с учетом хозяйственных и культурно-бытовых запросов потребителей [17, л. 70–75].

Важным направлением национальной политики в Хакасском округе было пополнение партийного и советского аппарата представителями коренной национальности, или «хакасияция». В 1927 г. Хакасский окружной комитет ВКП(б) отмечал, что этот процесс шел скорее на словах, чем на деле. На конец 1926 г. по всем окружным государственным структурам, включая руководство профсоюзами, здравоохранением, просвещением, промышленностью и финансами, судебной системой и другим, русские руководители составляли 86,3%, хакасы – 5,7%, прочие народы – 8,0%. По районным учреждениям ситуация в отношении «коренизации» была более благоприятна: русских насчитывалось 47,7%, хакасов – 23,9%, прочих этносов – 14,0%. Соотношение на партийных и административных должностях коренного и русского населения порождало негативные оценки среди части хакасской интеллигенции о «захвате русскими власти». В противовес этому выдвигались лозунги «Хакасия для хакасов», создания автономии. В то же время по выборным учреждениям округа, включая сельсоветы, коренное население было представлено достаточно полно – 49,8%, русское – 50,2% [11, л. 1–5; 23, л. 94].

В партийных документах в качестве причин, затруднявших выдвижение хакасов на административно-хозяйственную работу, использовались такие аргументы, как почти поголовная их неграмотность, саботаж местной интеллигенции, проведение беспартийными выдвиженцами из коренного населения политики, не соответствующей линии советской власти [24, л. 17].

Успеху проведения политики «коренизации» государственного аппарата, по замыслам руководства, должно

было стать укрепление его партийной прослойки. Однако в составе парторганизации Хакасского округа в 1926 г. хакасов было трое, русских – 210, украинцев – 7, поляков – 4, татар – 2, один эстонец, евреев – 3, латышей – 2, мордвы – 2, 1 венгр [24, л. 1]. Тем не менее к концу 1920-х гг. ситуация изменилась, были заложены основы формирования местных элит с присущей им национальной спецификой. В окружном исполкоме третьего созыва представители коренной национальности составляли 40,0%, в его президиуме – 45,0% [2, с. 90].

По мере укрепления статуса округа уточнялись его границы с целью преодоления чересполосицы в проживании населения. В сентябре 1927 г. в соответствии с решением краевой комиссии Новосибирска по районированию из Красноярского в Хакасский округ были переданы деревни Сарагаш и Черново. Перечисление в Хакасский округ 10 сельсоветов Березовского района Ачинского округа, ввиду категорического протеста преобладавшего там русского населения, было признано нецелесообразным. По разграничению границ между Хакасским округом, с одной стороны, чьи улусы Верне-Кындырлык, Ключи, Красный Ключ и Политов глубоко вклинились в Минусинский округ, а селения Юдино, Монок и Покровка врезались в Хакасию, было решено создать согласительную комиссию. Такое же решение было принято в отношении двух хакасских улусов – Можарского и Косонгольского, расположенных на территории Ачинского округа, но подчиненных в административном отношении Хакасскому округу [25, л. 2, 4, 8, 16–17].

В заключение следует отметить, что с конца XIX в. по 1920-е гг. численность хакасского населения стабильно увеличивалась, благодаря естественному приросту и компактному проживанию по левобережью Енисея, в Минусинском и Ачинском уездах Енисейской губернии. Стабильность языка и сохранение традиционных культурно-бытовых особенностей являлись отличительными характеристиками этноса. Сферами хозяйственно-бытовой деятельности хакасов оставались скотоводство и различные промыслы, а в районах контактного проживания с русским старожильческим населением – земледелие. В период социалистического переустройства общества в отношении коренного населения проводилась политика, направленная на формирование основ государственности, образование национальных кадров в управленческо-хозяйственной и интеллектуальной сферах, развитие культурно-просветительской среды.

Библиографический список

1. Шерстова, Л.И. Тюрки и русские в Южной Сибири: этнополитические процессы и этнокультурная динамика XVII – начала XX века / Л.И. Шерстова. – Новосибирск, 2005.
2. Мамышева, Е.П. Хакасия: от Степных дум к автономии (1822–1930 гг.) / Е.П. Мамышева / под ред. В.Н. Тугужековой. – Абакан, 2008.
3. Асочаков, В.А. К истории образования и развития ХАО / В.А. Асочаков // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. – Вып. 19. – Сер. ист. – №5. – Абакан, 1974.
4. Тугужекова, В.Н. От Хакасского уезда к Хакасской автономной области / В.Н. Тугужекова // К 70-летию со дня образования ХАО. – Абакан, 2000.

5. Артеменко, А. Л. Осуществление национальной политики в Хакасии в 1921–1925 годы / А.Л. Артеменко // Вопросы социально-экономического развития Хакасии (история, экономика, культура, наука). – Абакан, 1968.
6. Гладышевский, А.Н. Степан Дмитриевич Майнагашев 1886–1920. Очерк жизни и деятельности / А.Н. Гладышевский. – Абакан, 1999.
7. Муниципальное учреждение «Архив города Минусинска» (МУАГМ). – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 163.
8. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. Р-1318. – Оп. 1. – Д. 1342.
9. Межэтнические связи Приенисейского региона 1917–1992 гг. : сб. док. / гл. ред. Р.Г. Рафиков. – Красноярск, 2007. – Ч. II.
10. ГАРФ. – Ф. Р-1318. – Оп. 1. – Д. 1388.
11. Отдел документов новейшей истории Государственного архива Республики Хакасия (ОДНИ ГАРХ). – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 150.
12. Архивное агентство администрации Красноярского края (АААКК). – Ф. 1299. – Оп. 1. – Д. 227.
13. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 14. – Оп. 1. – Д. 47.
14. АААКК (п). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 89.
15. ГАРФ. – Ф. Р-1318. – Оп. 1. – Д. 1390.
16. Карлов, С.В. Дело «Союза сибирских тюрок» / С. В. Карлов // Политические репрессии в Хакасии и других регионах Сибири (1920–1950-е гг.). – Абакан, 2001.
17. МУАГМ. – Ф. 115. – Оп. 1. – Д. 281.
18. Кышпанаков, В.А. Население Хакасии: 1917–1990-е гг. / В.А. Кышпанаков. – Абакан, 1995.
19. АААКК(п). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 980.
20. АААКК(п). – Ф. П-1. – Оп. 1. – Д. 583.
21. Всесоюзная перепись населения 1926 года. Сибирский край. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. – М., 1928. – Т. VI.
22. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). – Ф. П-2. – Оп. 2. – Д. 170.
23. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 73.
24. ОДНИ ГАРХ. – Ф. 1. – Оп. 1. – Д. 83.
25. АААКК. – Ф. 1205. – Оп. 1. – Д. 124.